

За яблочки

Между Понтом Эвксинским и Соловками, под соответственным градусом долготы и широты, на своем черноземе с давних пор обитает помещичек Трифон Семенович. Фамилия Трифона Семеновича длинна, как слово естествоиспытатель, и происходит от очень звучного латинского слова, обозначающего единую из многочисленнейших человеческих добродетелей. Число десятин его чернозема есть 3000. Имение его, потому что оно имение, а он помещик, заложено и продается. Продажа его началась еще тогда, когда у Трифона Семеновича лысины не было, тянется до сих пор и, благодаря банковскому легковерию да Трифона Семеновича изворотливости, ужасно плохо клеится. Банк этот когда-нибудь да лопнет, потому что Трифон Семенович, подобно себе подобным, имя коим легион, рубли взял, а процентов не платит, а если и платит кое-когда, то платит с такими церемониями, с какими добрые люди подают копеечку за упокой души и на построение. Если бы сей свет не был сим светом, а называл бы вещи настоящим их именем, то Трифона Семеновича звали бы не Трифоном Семеновичем, а иначе; звали бы его так, как зовут вообще лошадей да коров. Говоря откровенно, Трифон Семенович порядочная-таки скотина. Приглашаю его самого согласиться с этим. Если до него дойдет это приглашение (он иногда почитывает Стрекозу), то он, наверно, не рассердится, ибо он, будучи человеком понимающим, согласится со мною вполне, да, пожалуй, еще пришлет мне осенью от щедрот своих десятков антоновских яблочков за то, что я его длинной фамилии по миру не пустил, а ограничился на этот раз одними только именем и отчеством. Описывать все добродетели Трифона Семеновича я не стану: материя длинная. Чтобы вместить всего Трифона Семеновича с руками и ногами, нужно просидеть над писанием по крайней мере столько, сколько просидел Евгений Сю над своим толстым и длинным Вечным жидом. Я не коснусь ни его плутней в преферансе, ни политики его, в силу которой он не платит ни долгов, ни процентов, ни его проделок над батюшкою и дьячком, ниже прогулок его верхом по деревне в костюме времен Каина и Авеля, а ограничусь одной только сценкой, характеризующей его отношения к людям, в похвалу которых его тричетвертивековой опыт сочинил следующую скороговорку: Мужички, простачки, чудачки, дурачки проигрались в дурачки. В одно прекрасное во всех отношениях утро (дело происходило в конце лета) Трифон Семенович прогуливался по длинным и коротким аллеям своего роскошного сада. Всё, что вдохновляет господ поэтов, было рассыпано вокруг него щедрою рукою в огромном количестве и, казалось, говорило и пело: На,

бери, человече! Наслаждайся, пока еще не явилась осень! Но Трифон Семенович не наслаждался, потому что он далеко не поэт, так и к тому же в это утро душа его с особенною жадностью вкушала холодный сон, как это делала она всегда, когда хозяин ее чувствовал себя в проигрыше. Позади Трифона Семеновича шествовал его верный вольнонаемник, Карпушка, старикашка лет шестидесяти, и поглядывал по сторонам. Этот Карпушка своими добродетелями чуть ли не превосходит самого Трифона Семеновича. Он прекрасно чистит сапоги, еще лучше вешает лишних собак, обворовывает всех и вся и бесподобно шпионит. Вся деревня, с легкой руки писаря, величает его опричником. Редкий день проходит без того, чтобы мужики и соседи не жаловались Трифону Семеновичу на нравы и обычаи Карпушки; но жалобы эти оставляются втуне, потому что Карпушка незаменим в хозяйстве Трифона Семеновича. Трифон Семенович, когда идет гулять, всегда берет с собою верного своего Карпа: и безопаснее и веселее. Карпушка носит в себе неистощимый источник разного рода рассказней, прибауток, побасенок и обладает неумением молчать. Он всегда рассказывает что-нибудь и молчит только тогда, когда слушает что-нибудь интересное. В описываемое утро шел он позади своего барина и рассказывал ему длинную историю о том, как какие-то два гимназиста в белых картузах ехали с ружьями мимо сада и умоляли его, Карпушку, пустить их в сад поохотиться, как прельщали его эти два гимназиста полтинником, и как он, очень хорошо зная, кому служит, с негодованием отверг полтинник и спустил на гимназистов Каштана и Серка. Кончив эту историю, он начал было в ярких красках изображать возмутительный образ жизни деревенского фельдшера, но изображение не удалось, потому что до ушей Карпушки из чащи яблонь и груш донесся подозрительный шорох. Услышав шорох, Карпушка удержал свой язык, наострил уши и стал прислушиваться. Убедившись в том, что шорох есть и что этот шорох подозрителен, он дернул своего барина за полу и стрелой помчался по направлению к шороху. Трифон Семенович, предчувствуя скандалчик, встrepенулcя, засеменил своими старческими ножками и побежал вслед за Карпушкой. И было зачем бежать...

На окраине сада, под старой ветвистой яблоней, стояла крестьянская девка и жевала; подле нее на коленях ползал молодой широкоплечий парень и собирал на земле сбитые ветром яблоки; незрелые он бросал в кусты, а спелые любовно подносил на широкой серой ладони своей Дульцинее. Дульцинея, по-видимому, не боялась за свой желудок и ела яблочки не переставая и с большим аппетитом, а парень, ползая и собирая, совершенно забыл про себя и имел в виду исключительно одну только Дульцинею.

Да ты с дерева сорви! подзадоривала шёпотом девка.

Страшно.

Чего страшно?! Опришник, небось, в кабаке...

Парень приподнялся, подпрыгнул, сорвал с дерева одно яблоко и подал его девке. Но парню и его девке, как и древле Адаму и Еве, не посчастливилось с этим яблочком. Только что девка откусила кусочек и подала этот кусочек парню, только что они оба почувствовали на языках своих жестокую кислоту, как лица их искривились, потом вытянулись, побледнели... не потому, что яблоко было кисло, а потому, что они увидели перед собою строгую физиономию Трифона Семеновича и злорадно ухмыляющуюся рожицу Карпушки.

Здравствуйте, голубчики! сказал Трифон Семенович, подходя к ним. Что, яблочки кушаете? Я, бывает, вам не помешал?

Парень снял шапку и опустил голову. Девка начала рассматривать свой передник.

Ну, как твоё здоровье, Григорий? обратился Трифон Семенович к парню. Как живешь-можешь, паренек?

Я только один, пробормотал парень, да и то с земли...

Ну, а твоё как здоровье, дуся? спросил Трифон Семенович девку.

Девка еще усерднее принялась за обзор своего передника.

Ну, а свадьбы вашей еще не было?

Нет еще... Да мы, барин, ей-богу, только один, да и то... так...

Хорошо, хорошо. Молодец. Ты читать умеешь?

Не... Да ей-богу ж, барин, мы только вот один, да и то с земли.

Читать ты не умеешь, а воровать умеешь. Что ж, и то слава богу. Знания за плечами не носить. А давно ты воровать начал?

Да разве я воровал, што ли?

Ну, а милая невеста твоя, обратился к парню Карпушка, чего это так жалостно призадумалась? Плохо любишь нешто?

Молчи, Карп! сказал Трифон Семенович. А ну-ка, Григорий, расскажи нам сказку...

Григорий кашлянул и улыбнулся.

Я, барин, сказок не знаю, сказал он. Да нешто мне яблоки ваши нужны, што ли? Коли я захочу, так и купить могу.

Очень рад, милый, что у тебя денег много. Ну, расскажи же нам какую-нибудь сказку. Я послушаю, Карп послушает, вот твоя красавица-невеста послушает. Не конфузся, будь посмелей! Воровская душа должна быть смела. Не правда ли, мой друг?

И Трифон Семенович уставил свои ехидные глаза на попавшегося парня... У парня на лбу выступил пот.

Вы, барин, заставьте-ка его лучше песню спеть. Где ему, дураку, сказки

рассказывать? продребезжал своим гаденьким тенорком Карпушка.
Молчи, Карп, пусть сперва сказку расскажет. Ну, рассказывай же, милый!
Не знаю.

Неужели не знаешь? А воровать знаешь? Как читается восьмая заповедь?
Да что вы меня спрашиваете? Разве я знаю? Да ей-богу-с, барин, мы только
один яблочк съели, да и то с земли...

Читай сказку!

Карпушка начал рвать крапиву. Парень очень хорошо знал, для чего это
готовилась крапива. Трифон Семенович, подобно ему подобным, красиво
самоуправничает. Вора он или запирает на сутки в погреб, или сечет
крапивой, или же отпускает на свою волю, предварительно только раздев его
донага... Это для вас ново? Но есть люди и места, для которых это обыденно и
старо, как телега. Григорий косо посмотрел на крапиву, помялся, покашлял и
начал не рассказывать сказку, а молотить сказку. Кряхтя, потея, кашляя,
поминутно сморкаясь, начал он повествовать о том, как во время оно богатыри
русские кощеев колотили да на красавицах женились. Трифон Семенович
стоял, слушал и не спускал глаз с повествователя.

Довольно! сказал он, когда парень под конец уж совершенно замололся и
понес чепуху. Славно рассказываешь, но воруешь еще лучше. А ну-ка ты,
красавица... обратился он к девке, прочти-ка Отче наш!

Красавица покраснела и едва слышно, чуть дыша, прочла Отче наш.

Ну, а как же читается восьмая заповедь?

Да вы думаете, мы много брали, што ли? ответил парень и отчаянно махнул
рукой. Вот вам крест, коли не верите!..

Плохо, родимые, что вы заповедей не знаете. Надо вас поучить. Красавица, это
он тебя научил воровать? Чего же ты молчишь, херувимчик? Ты должна
отвечать. Говори же! Молчишь? Молчание знак согласия. Ну, красавица, бей
же своего красавца за то, что он тебя воровать научил!

Не стану, прошептала девка.

Побей немножко. Дураков надо учить. Побей его, моя дуся! Не хочешь? Ну,
так я прикажу Карпу да Матвею тебя немножко крапивой... Не хочешь?

Не стану.

Карп, подойди сюда!

Девка опрометью подлетела к парню и дала ему пощечину. Парень преглупо
улыбнулся и заплакал.

Молодец, красавица! А ну-ка еще за волоса! Возьмись-ка, моя дуся! Не
хочешь? Карп, подойди сюда!

Девка взяла своего жениха за волосы.

Ты не держись, ему так больней! Ты потаскай его!

Девка начала таскать. Карпушка обезумел от восторга, заливался и

дребезжал.

Довольно, сказал Трифон Семенович. Спасибо тебе, дуся, за то, что зло покарала. А ну-ка, обратился он к парню, поучи-ка свою молодайку... То она тебя, а теперь ты ее...

Выдумываете, барин, ей-богу... За что я ее буду бить?

Как за что? Ведь она тебя била? И ты ее побей! Это ей принесет свою пользу. Не хочешь? Напрасно. Карп, крикни Матвея!

Парень плюнул, крикнул, взял в кулак косу своей невесты и начал карать зло. Карая зло, он, незаметно для самого себя, пришел в экстаз, увлекся и забыл, что бьет не Трифона Семеновича, а свою невесту. Девка заголосила. Долго он ее бил. Не знаю, чем бы кончилась вся эта история, если бы из-за кустов не выскочила хорошенькая дочка Трифона Семеновича, Сашенька.

Папочка, иди чай пить! крикнула Сашенька и, увидав папочкину выходку, звонко захохотала.

Довольно! сказал Трифон Семенович. Можете теперь идти, голубчики. Прощайте! К свадьбе яблочков пришло.

И Трифон Семенович низко поклонился наказанным. Парень и девка оправились и пошли. Парень пошел направо, а девка налево и... по сей день более не встречались. А не явись Сашенька, парню и девке, чего доброго, пришлось бы попробовать и крапивы... Вот как забавляет себя на старости лет Трифон Семенович. И семейка его тоже недалеко ушла от него. Его дочери имеют обыкновение гостям низкого звания пришивать к шапкам луковицы, а пьяным гостям того же звания писать на спинах мелом крупными буквами: асел и дурак. Сыночек же его, отставной подпоручик, Митя, как-то зимою превзошел и самого папашу: он вкупе с Карпушкой вымазал дегтем ворота одного отставного солдата за то, что этот солдатик не захотел Мите подарить волчонка, и за то, что этот солдатик вооружает якобы своих дочек против пряников и конфет господина отставного подпоручика... Называй после этого Трифона Семеновича Трифоном Семеновичем!